

18+

Ольга Сквирская
Иезуиты подарили котенка

Ольга Сквирская

Иезуиты подарили котенка

«Издательские решения»

Сквирская О. Е.

Иезуиты подарили котенка / О. Е. Сквирская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508539-9

В русском языке синоним слова «иезуит» — «интриган». Не без этого, ведь они отличные психологи. Зато с ними весело. Иезуиты — самый скандальный католический орден. Многие думают, что «иезуиты» — это дремучее средневековье. Но иезуиты и сегодня служат в России, как и во всем мире. Кинематографисты и педагоги, духовники и богословы, они такие же люди, как и все. Разве что рядом с ними постоянно происходят чудеса. Но это потому, что они верят в Бога. Такова история российских католиков наших дней.

ISBN 978-5-00-508539-9

© Сквирская О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Иезуиты подарили котенка	6
Иезуит в опере	7
Ударение на второй слог	9
Иезуит за рулем	10
Про короткие юбки	11
Визитная карточка	12
Церковные старушки	14
Сердце Шопена	15
Черная Мадонна	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иезуиты подарили котенка

Ольга Евгеньевна Сквирская

© Ольга Евгеньевна Сквирская, 2019

ISBN 978-5-0050-8539-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иезуиты подарили котенка

- Я раньше работала у иезуитов. И вот как-то...
- Иезуиты!? Да это же средневековье! Интриги, инквизиция, шпионы Ватикана...
- Никакое не средневековье, никакая не инквизиция. Это все мифы. Иезуиты – это католический орден. Его основал испанец Игнатий Лойола. Он придумал духовные упражнения для распознавания духов. Иезуитам доверяли воспитание принцев, они были духовниками королей...
- А к чему это ты про иезуитов?
- Да, к чему это я про иезуитов?.. Ах да, вспомнила! Так вот, эти иезуиты подарили мне котенка...

Иезуит в опере

Кто мог знать, что опера Шостаковича и иезуит из Америки – две вещи несовместные!

На Рождественский музыкальный фестиваль в Новосибирск понаехали гастролеры со всего мира, навезли кучу премьер, наставили опер с балетами. Как корреспондент газеты «Семь дней в Новосибирске», я получила пачку пригласительных, чтобы все это посетить и осветить.

Каждый пригласительный на два лица. Я сводила на культурные мероприятия родственников, друзей, близких и дальних знакомых по очереди – всем хватило зрелищ. А вот на премьеру оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», к сожалению, никто не смог составить мне компанию. Ужасно не хотелось, чтобы пропал дефицитный билет на гвоздь сезона.

Утром в церкви, после воскресной мессы, мне на глаза попалась долговязая нескладная фигура отца Энтони.

Молодой священник-иезуит только что приехал из Америки. Вот уже месяц он старательно изучал русский язык и робко знакомился с сибирскими католиками.

С трудом, но понял, что я его приглашаю на оперу. Страшно обрадовался.

– Опера! В Америке это отшень, отшень дорого! Я хотеть.

Наши места оказались в первом ряду, в самом центре. По обе стороны от нас торжественно сияли бриллианты. Энтони пребывал в полном восторге.

– Я никогда не сидеть в первый ряд! В Америке это отшень, отшень дорого!

И тут как началось...

Шостакович, похоже, решил без прикрас отобразить жестокие нравы мракобесной России ушедшего века и ее малообаятельных жителей. И ему это удалось...

Первое действие открывалось сценой группового изнасилования дворовой девки. И Шостакович, и немецкий режиссер решили зрительный и звуковой ряд с поистине кинематографическим натурализмом, в реальном времени. Крики, женский визг, неприличные позы, глумливые лица – вот с чего для бедного отца Энтони началась Россия. (Я уже не говорю об обете безбрачия, который молодой католический монах недавно возложил, – вообще-то он не подписывался ни на какую порнографию, даже в виде оперы).

«Надеюсь, он не воспринимает это как провокацию с моей стороны...» – забеспокоилась я, в ужасе следя за движением очереди поющих насильников.

Энтони буквально влип в кресло, широко открыв глаза и рот.

Я с облегчением вздохнула, когда насильники вместе с жертвой покинули сцену. Но, увы, легче не стало.

Появилась Катерина Измайлова. В короткой белой рубашке и красных чулках весь акт кувыркалась она с любовником Сергеем на гигантской кровати посреди сцены, и оба эротично пели. Кровать была застелена простыней цвета крови...

«Кстати, „Красная кроватка“ – неплохое название для рецензии», – прикинула я.

Но на отца Энтони после этого я просто боялась смотреть.

Наконец антракт. Включили свет. Энтони вытер пот со лба. Жалко улыбнулся мне:

– Я никогда не видеть такой оперы...

С трудом, но мы пережили еще три действия. Ни о какой рецензии я уже не помышляла, решив специально сходить на спектакль еще раз, уже без католических священников. То, что опера замечательная, постановка классная, было видно невооруженным глазом.

Но отец Энтони, едва получив свое пальто назад, рванул из оперного театра так, будто за ним лично гнались все эти насильники и бабы в красных чулках.

...На следующий день в киностудии я чуть ли не со слезами на глазах рассказала эту историю отцу Войцеху и брату Дамиану, тоже иезуиту.

– До чего ты испорченная! Такого святого человека, как Энтони, повести в оперу! – сурово отчитал меня брат Дамиан, а у самого чертики в глазах.

Отец Войцех открыто хохотал. Эти двое в прошлом работали на Польском телевидении, таких трудно напугать голой правдой жизни. Не то что стерильного отца Энтони.

Дамиан не забыл этой истории.

Когда через много лет к отцу Энтони приехали гости из Америки, и тот размышлял, чем бы их развлечь, Дамиан ехидно предложил:

– Тони, своди-ка их в оперу.

На что отец Энтони в ужасе замахал руками:

– Нет, нет, только не в оперу!..

Ударение на второй слог

Китайцы категорически не советуют жить в эпоху перемен.

Однако канадский иезуит по имени, скажем, отец Джеймс попал на миссию в Россию в самую «перестройку». Он не переживал, поскольку ему уже довелось служить в Чили, во время хунты Пиночета, – о котором он, впрочем, отзывается не так уж плохо, как можно было ожидать после промывки наших мозгов советской пропагандой. Пиночет, говорит, настоящий католик, пусть не практикующий, но «воцерковленный», и для своей страны он сделал много хорошего.

Просто отец Джеймс ни о ком не говорит плохо, даже о Пиночете.

Отец Джеймс – пожилой добродушный человек, весьма интеллигентный.

Тем более не типично выглядело его появление в сибирской поликлинике: благообразный иностранец – и с живописным фингалом под глазом! Перед кабинетом врача вся очередь с интересом вытаращицалась на него.

– Я упал с кровати и ударился глазом, – объяснил священник изумленному доктору.

– Все так говорят, – не поверил врач.

Как ни странно, все так и было.

Отец Джеймс решил в келье выровнять свою койку при помощи нескольких «бэушных» кирпичей. Ненадежное сооружение ночью развалилось, спящий иезуит свалился на пол и...

Примерно пару недель ходил по Сибири в черных очках, как типичный российский алкаш.

...Осенним днем двое священников-иезуитов, отец Джеймс и отец Александр, идя по улице, вдруг увидели настоящего алкаша, лежащего в грязной луже.

Как правильные миссионеры, они принялись спасать пьяного бомжа из лужи.

– Пошли вы на х ... – послал их парень вместо благодарности.

Отец Джеймс очень удивился.

– А я думал, что в этом слове ударение надо делать на последний слог, – сказал он своему собрату по ордену.

Иезуит за рулем

Анекдот:

Батюшка освящает машину ГИБДД, читает молитву, обрызгивает святой водой, осеняет крестом.

К хозяину машины подходит напарник:

– *Сколько он содрал за освящение?*

– *Ничего. Он пересек двойную сплошную.*

– В России примерно миллион католиков, но нам их еще предстоит найти, – часто повторяет сибирский католический епископ во всевозможных интервью.

Образ католического священника конца девяностых – это миссионер, львиную долю своего служения проводящий за рулем, на сибирских трассах. Что-то героическое в этом, несомненно, было.

– Наш отец Антон готов триста километров проехать, в дождь и в снег, ради единственной на всю деревню католической бабушки, даже если она его не ждет, не принимает, – и вообще не верит в Бога, – шутили иезуиты.

Блудные овцы, как правило, обитали в сибирских деревнях и крохотных городках, градообразующим предприятием которых была лагерная зона.

Например, Каинск. Там в огромном количестве проживали потомки депортированных немцев, ссыльных поляков, латгальцев, с многолетним опытом исповедания веры в подпольных условиях.

Как только власти официально разрешили католичество, так каждое воскресенье большая община ждала священника на Мессу.

От Новосибирска до Каинска больше двухсот километров. Даже встав затемно, чтобы успеть на утреннюю службу, священнику приходилось нестись с огромной скоростью, чтобы успеть вовремя.

Дорожные приключения – это больная тема наших святых отцов. Например, в пути их подстерегали сотрудники ГИБДД, вместе с машиной скрывавшиеся в придорожных кустах.

Сидеть целый день на морозе – хорошего мало. От холода блюстителей порядка в степи спасали только женские прокладки. Полицейские успешно использовали их в качестве стелек, и в аптеках давно перестали удивляться просьбам: «Дайте прокладки сорок третьего размера».

Оставалось дожидаться лоха, который непременно превысит скорость на пустынной трассе.

...Им оказался отец Антон, молодой священник-иезуит, потомок ссыльных карагандинских немцев. Рассекая со скоростью сто двадцать километров в час, он не знал, что в кустах прячутся полицейские, но и те не знали, что такое иезуит...

– Здравствуйте. Куда это так торопитесь? – вальяжно подвалил лейтенант к машине священника.

– Доброе утро! – вышел из машины приветливо улыбающийся отец Антон. – Вот, на Божье служение еду, нужно успеть, люди ждут, сами понимаете? Я ведь священник. А знаете что? Раз уж я остановился, то давайте-ка я Вас благословлю! У Вас ведь, наверное, семья, детки? – и не дожидаясь ответа от оторопевшего полицейского, возложив ему руки на голову, воздевши очи к небу, священник с выражением прочел молитву благословения...

– ... Ну ты даешь! – восхитились позже его коллеги. – Что, даже штрафа не заплатил?!

И тут отец Антон выдал поистине замечательную фразу:

– Нет, не заплатил! Так благословил.

Про короткие юбки

До служения в Сибири отец Войцех и брат Дамиан много лет трудились на Варшавском государственном телевидении, и короткими юбками их удивить было трудно.

Как назло, оба обладали неуместным мужским обаянием и, не желая того, привлекали внимание приходских девушек. В свою очередь, те старались выглядеть как можно женственнее, не гнушаясь запрещенными приемами.

Монашки гоняли девчонок за неподобающий церковным канонам внешний вид.

Однажды сотрудницы сами поставили перед братом Дамианом вопрос ребром.

– Брат Дамиан, можно ли приходить в студию в короткой юбке?

– Если ноги красивые, то можно, – разрешил брат Дамиан. – А если нет, то нельзя. Мы с отцом Войцехом создадим комиссию и будем выдавать разрешения.

По лицу иезуита всегда трудно понять, серьезно он говорит или шутит.

Визитная карточка

Брат Дамиан заказал компьютерщику Паше визитку. Директору католической киностудии, пусть сибирской, нельзя без визитной карточки.

Паша – молодой, длиннохвостый, флегматичный. Целыми днями неподвижно, как изваяние, он сидел за Макинтошем. Время от времени вставал, чтобы перекурить в коридоре. Сроков выполнения для него вовсе не существовало.

– Паша, сколько времени тебе нужно? – спросил Дамиан.

Паша иронично посмотрел на него:

– Фиг его знает.

Он ведь не просто так отсиживает время, мол, он работает над стилем. А стиль – дело тонкое, – для тех, кто понимает. Стиль не терпит суеты.

В общем, ускорить Пашу невозможно никакими силами. Зато на киностудии настоящий праздник, когда у Паши хоть что-нибудь готово.

Так, в один прекрасный день Паша жестом фокусника разложил перед Дамианом семь разных визиток:

– Выбирай!

Семь визиток от профессионального дизайнера, каждая в своем стиле, в своей цветовой гамме. Каждая воплощает свою творческую идею. Глаза разбегаются. Шрифты, заливки, обводки, тени, оттенки...

Одна общая проблема: невозможно прочитать, что там написано.

Особенно всех впечатлила коричневая визитка. Представьте себе: на коричневом фоне (Боже, какой деликатный цвет!!!) темно-коричневыми буквами, с еще более темной коричневой обводкой, китайскими иероглифами начертано «бр. Дамиан Войчеховски»!

– Это шифровка – чтоб никто не догадался, – предположил Шурик.

– Ой, не могу! – брат Дамиан схватился за живот. – А это что, номер телефона?! Это какая цифра? Ой, умру! Паша, я это сохраню себе на память!!

Паша окинул взглядом Дамиана, затем нас всех, с сожалением человека, который только что разметал бисер перед свиньями.

На шум подошел другой иезуит, брат Джорджо, – в прошлом сантехник, завхоз, ныне формальный директор студии.

Заглянув Дамиану через плечо, он неодобрительно скривился на все эти стилевые изыски, презрительно оглядел Пашу с головы до ног, – и молча удалился. Брат Джорджо никогда не смеялся: у него нет такого места в голове, которым смеются.

На киностудии «Кана» настали тяжелые времена.

Брата Дамиана отправили учиться в Москву на режиссерские курсы, а директор Джорджо из формального стал фактическим.

Теперь он не только менял лампочки и навинчивал дверные ручки, но занялся художественной частью.

– ... Передачу о Боге нужно делать интересно! – горячилась Маша на студийном художественном совете.

– Не «интересно», а религиозно, – поправил ее брат Джорджо.

– Но ведь Евангелие – это же так интересно!

– Че там интересного, – буркнул Джорджо и навсегда прекратил дискуссии в студии.

Но первое, с чего он начал, – это с визитной карточки.

Четким шагом подойдя к Пашиному столу, брат Джорджо назидательно сунул Паше под нос визитку:

– Вот как надо. Вот это карточка!

Мы обступили стол со всех сторон, разглядываем визитку. Действительно, черным по белому. Шрифт – как в букваре. Даже логотип «Каны» в углу – кувшин под крестом.

– Вот! Все видно: вот телефон, вот мое имя, вот – что я директор! – торжествует Джорджо. – У меня в Польше брат в типографии работает, я ему передал текст, а он мне прислал готовые визитки.

– Ой, что это? – вдруг пугается Маша. – Смотрите: тут вместо «католическая телестудия» написано «камолическая мелесмубия»!!! Как это они так? И имя Ежи написано через «ы» – Ежы... Ой!

Ежи – это официальное польское имя брата Джорджо.

– Джорджо, наверное, ты письменными буквами отправил текст, да? – догадываемся мы. – Они там, видно, спутали «т» с «м» и «б» с «д»!

Брат Джорджо долго крутит визитку, обдумывает, потом заявляет:

– Подумаешь, буквы неправильные! Зато все видно. Все равно хорошая визитка, – и с достоинством удаляется.

– Джорджо, подожди! – догоняю я. – Подари мне одну визитку на память, а?

...Вечером я демонстрирую карточку отцу Войцеху в церкви. Тот злорадно ухмыляется:

– Поди, целый ящик заказал!

Сам-то Войцех скоренько унес ноги из студии, как только узнал, что Джорджо станет директором.

– Это будет не студия, а неизвестно что, – сказал он.

– ...Теперь известно: «камолическая мелесмубия», – возразила я. – Написано же.

– Как вы яхту назовете, так она и поплывает, – сказал тогда Шурик.

Как раз его брат Джорджо и выгнал первым.

Правда, через полгода убрали его самого. Интересно, успел ли он раздать свои карточки?

Церковные старушки

Только в Польше на Страстной неделе я поняла, что такое настоящее, вселенское католичество. Пардон за тавтологию.

Огромные, как спортзалы, старинные храмы, с удивительной плотностью усеявшие Варшаву, до отказа заполнены верующими. Мессы короткие, деловитые, по полчаса, – некогда рассусоливать. Одна служба не успевает закончиться, как начинается другая.

На исповедь очередь, как в Мавзолей. Священник по-спортивному быстро совершает «разгрешение», и душеспасительный конвейер движется дальше, без перебоев. Похоже, грешники формулируют грехи коротко, без подробностей и излияний, – не как у нас, в России: «а поговорить?».

Мы с Шуриком только что приехали в Польшу с Дамианом. Бродим по улицам, осматриваем религиозные достопримечательности, пробиваемся сквозь религиозно озабоченную толпу.

Наш брат Дамиан, циничный, как любой польский иезуит, вдруг тоже превращается в «глупого религиозного фанатика»:

– Мне надо причаститься, – маниакально повторяет он, озираясь вокруг.

Он мечется по площади, устремляется в каждый попавшийся на глаза храм, мы за ним. Однако на Страстной неделе причаститься не так-то просто, хотя церковей, казалось бы, пруд пруди. Львиная доля польских католиков занимается христианством исключительно по большим праздникам, поэтому сегодня в храмах не протолкнуться, а к причастию не пробиться.

Брат Дамиан предпринимает новые попытки в каждом следующем храме, но пока все безуспешно.

О чудо! – в одном из храмов священник в облачении, с чашей в руках, пробирается к выходу, прямо к нам, и Дамиан тут же пристраивается в создавшуюся очередь к причастию. Теперь он ближе к цели, как никогда.

Однако количество облаток ограничено. Чуда преумножения не происходит, – белые кружочки тают на глазах. Но брату Дамиану вроде бы должно хватить.

Действительно, когда он вплотную подходит к священнику, у того осталась облатка, правда, последняя...

Но тут, откуда ни возьмись, выскакивает какая-то ветхая «старуха Шапокляк» с открытым ртом и, резво отпихнув брата Дамиана, подпрыгивает и вцепляется зубными протезами в Тело Христово...

Бедный иезуит так и застывает с открытым ртом... Срочно взяв себя в руки, он с достоинством покидает храм, бросив нам с обескураживающей улыбкой:

– Не досталось мне причастие.

– ...Что это было!? – спросила я на улице, придя в себя.

– Это? Это специальный вид церковных старушек, – невозмутимо поясняет мне иезуит. – За причастие они могут убить человека.

Сердце Шопена

В любом польском городе на каждом сувенирном прилавке вы обязательно найдете гипсовую кисть человеческой руки. Это рука Фредерика Шопена.

Поляки очень гордятся тем, что их земля произвела на свет такого потрясающего пианиста и композитора.

– Да он же наполовину француз, – дразню я своего польского друга. – И фамилия французская, и жил-то в основном во Франции.

– Он всю жизнь тосковал по нашей Польше, – с обидой возражает Дамиан. – И от этого у него получилась такая хорошая музыка.

Похоже на правду.

Маэстро удалось возвысить прикладные жанры польских танцев – полонеза и мазурки – до общечеловеческой тоски по мечте. Вся его музыка – это ностальгия, воплощенная в звуках.

Шопен – мой любимый композитор. Из собрания его сочинений я переиграла все, что только находилось в пределах моих скромных технических возможностей. Его музыка здорово мне помогла в том трудном возрасте, в котором прощаются с детством.

На уроке музыкальной литературы нам рассказывали, что Шопен умер молодым, так и не увидев родины. Его похоронили во Франции, но сердце увезли в Польшу и замуровали в стене костела.

Учительница с выражением прочла нам стихотворение: типа, стоит костел, а в нем бьется сердце Шопена. Я долго думала на эту тему. Мне не показалось романтичным, —напротив, даже кощунственным, – вырезать из мертвого тела сердце, запихать в сосуд, залить коньячным ликером... Бр-р-р...

Позже я узнала, что католики обожают всякие мощи святых, реликвии, нетленные кости – это составляет часть их духовности.

А там и сама «подалась в католики», как ехидничают мои родственники.

С Дамианом и Шуриком мы гуляем по центру Варшавы. Костелы один прекраснее другого. От обилия башен с колоколами профиль города выглядит очень благородно и исторично.

Около одного из храмов – статуя Иисуса, несущего крест.

– Во Вторую Мировую войну во время бомбардировки города фашисты попали в стацию, и тогда все говорили, что Сам Иисус упал с крестом. Позже храм восстановили, – рассказывает Дамиан.

Мы заходим в просторный храм. Службы нет, народу мало, только тишина звенит.

Вдруг мне на ум приходят какие-то строчки: «...стоит костел... бьется сердце...» И в голове высоко зазвенело затактовое «ми» Мазурки ля-минор.

– Здесь сердце Шопена, – говорю я Дамиану.

– Да нет, не здесь, – отрицает он.

Но я, не слушая, иду вглубь храма, наугад приближаюсь к одной из массивных колонн, как вдруг... упираюсь в табличку с барельефом. Знакомое тонкое горбоносое лицо изображено на моих нотах с мазурками Шопена.

На табличке что-то написано по-польски, но и без того понятно, что в этой колонне замуровано сердце маэстро.

– Как ты узнала? – Дамиан потрясен.

Я пожимаю плечами.

Я не все могу объяснить.

Черная Мадонна

В Польше было так невыносимо хорошо, что мне стало плохо.

Увы, через неделю снова возвращаться в свой «совок». Я чувствовала себя Золушкой, у которой прекрасное платье вот-вот превратится в грязное, домашнее... Лучше бы я вообще не ездила за границу и не знала, как живут нормальные люди.

В конце концов, от переживаний я даже заболела – температура, насморк, боль в горле.

Вдруг решила прогулять стажировку на Варшавском телевидении, а вместо этого побродить по городу.

Из метро я вышла в самом центре, шикарном, по-европейски нарядном, оживленном.

Зайдя в первый попавшийся храм, белый, красивый, заглянув в боковую часовню, я уселась на самую первую скамейку и стала злиться на весь свет.

В часовне, конечно, висела икона Ченстоховской Божьей Матери. Она тут везде, где только можно. Под иконой на коленях стояли люди, в основном женщины и старушки. В деревянную узкую столешницу были вкручены серебряные таблички, и на каждой был отчеканен какой-то орган: то глаз, то сердечко, то рука.

«Надо же, – изумилась я. – Кто-то все-таки исцеляется. Глупые фанатики».

Я недоверчиво посмотрела на икону. Черная Мадонна хмуро глядела на меня исподлобья.

«Ну как Ей молиться? – безнадежно подумала я. – Такая неприветливая, не улыбочивая. Да еще этот ужасный шрам на щеке».

И тут произошло чудо... С иконы мне улыбнулось милое женское лицо, и на щеке не было никакого шрама!

Я не поверила своим глазам... Закрыла, снова открыла – шрама не было!

Я обернулась к людям, чуть не обратилась к ним со словами: «Во дает!»

И хорошо, что не обратилась: каждый молча смотрел на Мадонну, как ни в чем не бывало.

Меня осенила догадка:

«Они же ничего не видят! Они не заметили, как шрам исчез... А почему же тогда я это вижу?»

Я крутила головой и так, и сяк.

«Может, солнце в окошко падает как-то особенно? Да нет вроде... Тогда что?»

Я думала, думала, думала... А потом очнулась – шрам тут как тут, на месте. И хмурый взгляд, как тут и был. И улыбки никакой...

А была ли улыбка?

Ну как же – конечно, была! Я же не сумасшедшая.

Но зачем Она мне улыбнулась? Что хотела мне сказать? Может, таким способом Она меня подбодрила, обнадежила: дескать, все будет хорошо? Типа, Я с тобой. Хочешь, мол, чтобы я улыбалась – так я тебе улыбнусь.

...В этот момент я почувствовала, что моя болезнь исчезла. Дышать стало легко и свободно, горло больше не болело, а в душе что-то запело...

– ... Со мной вчера чудо произошло, – рассказала я все Дамиану.

Вообще-то я не собиралась этого делать.

– Ну конечно, – ехидно произнес брат Дамиан. – Стоит какому-нибудь русскому приехать в Польшу, как ему тут же икона улыбнется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.